

18+

СЕРГЕЙ ПАНФИЛОВ

Родом из села Залесова

Сергей Панфилов

Родом из села Залесова

«Издательские решения»

Панфилов С. И.

Родом из села Залесова / С. И. Панфилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852058-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Повесть посвящается Елизавете Сарычевой —
бабушке Николая Сергеевича Сарычева, который спас икону Казанской
Божией Матери.

ISBN 978-5-44-852058-7

© Панфилов С. И.
© Издательские решения

Содержание

1 Знакомство	6
2 Н. С. Сарычев	9
3 Поездка в восточный казахстан	21
4 Поселение сузун	24
5 Возвращение в залесово	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Родом из села Залесова

Сергей Иванович Панфилов

*Посвящается Елизавете Сарычевой – бабушке Николая Сергеевича
Сарычева*

© Сергей Иванович Панфилов, 2017

ISBN 978-5-4485-2058-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 Знакомство

Меня зовут Сергей Иванович. Фамилия моя Панфилов. Я – русский писатель и поэт. Живу в городе Новосибирске. Ему сто двадцать с небольшим лет.

Возник наш город и развивался, благодаря строительству Транссибирской железнодорожной магистрали. В 1898 году, по прошению местных жителей, наш город был наименован Новониколаевском – в честь русского Царя Николая II Александровича Романова, управлявшего в те годы Российской империей.

При Советской власти, большевики-коммунисты, боровшиеся против Монархии, старательно уничтожали все, что напоминало о прошлом России, о царях-государях, Коммунисты строили «новый мир». Вот и город Новониколаевск переименовали в 1926 году в Новосибирск.

В Новосибирске-Новониколаевске, на пересечении улиц Октябрьской, которая до революции называлась Болдыревской, и Урицкого (Гондатти), стоит один из первых новониколаевских храмов, построенных нашими предками. Осветили этот храм 10-го декабря 1901 года и нарекли его в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

При Советской власти Свято-Покровский храм закрыли в 1939 году. Обратили его безбожники-коммунисты в угольный склад. По истечении какого-то времени склад ликвидировали, уголь вывезли, помещение очистили.

Под святые своды вселился певческий коллектив. А потом – танцевальный. Впоследствии здесь расположилась контора реставраторов.

Но пришло время, благоприятное для Русской Православной Церкви. Так, в 1994 году, реставраторы уступили одну комнату в Покровском храме православным христианам. Они с радостью вселились под святые своды. Развесили на стенах иконы, поставили подсвечники, принялись усердно молиться.

И постепенно благодать Божия очистила святое место от посторонних. Реставраторы освободили храм и передали его православной общине. А православные постарались, чтобы в храме начала служить Божественная Литургия, приноситься Безкровная Жертва.

Первым настоятелем Свято-Покровского храма был протоиерей Георгий Патрин. Потом священник Виктор Сметанников. Третьим был протоиерей Владимир Маничев. Я знал всех троих, со всеми общался.

Казанскую икону Божией Матери, как помнится, впервые я увидел в Покровском храме летом 2001 года. Она прежде пребывала в поругании. Алтаец, житель деревни Катанда, расположенной неподалеку от горы Белухи, рубил на ней мясо.

Николай Сергеевич Сарычев, заготовитель мяса, человек творческий, не равнодушный, отнял икону Пресвятой Богородицы у этого алтайца, чем прекратил кощунство и поругание.

Дома, в Новосибирске, Николай отдал икону художнику Игорю Сулковскому. Он отреставрировал образ. И они, Игорь и Николай, решили передать его в Свято-Покровский храм, неподалеку от которого проживает Игорь.

12-го апреля 2001 года, в Великий Четверг, после причастия Тела и Крови Христовых, после окончания Божественной Литургии, Казанскую икону Божией Матери возложили на аналой. Отец Владимир Маничев отслужил молебен. А потом Николай Сергеевич Сарычев поведал присутствующим историю обретения этой иконы. Все внимательно слушали взволнованное повествование рассказчика и радовались, что этот образ избавлен от поругания простым русским человеком.

Об этом рассказал мне отец Владимир. Батюшка знал, что я писатель, собираю и записываю истории о храмах, о подвижниках, о святых источниках, о чудесном проявлении силы Божией, возвышающей нас над обыденностью и укрепляющей в сердцах веру.

Я сказал:

– Отец Владимир, сами видите – история необычная. Такую грех не записать. Пройдет лет десять, и все забудется. А надо бы о таком помнить.

Отец Владимир улыбнулся и сказал:

– Конечно же, я согласен с вами. Вон сколько у нас икон. И только про одну. Покровскую известна, более-менее, достоверная история обретения. Вы же про нее написали?

Я покорно склонил голову:

– Да, это я...

Теперь в Покровскую икону Божией Матери вмонтирована малая частица от покрова, которым покрывала свои чудные волосы Пресвятая Дева. Эту частицу отцу Владимиру передали в дар в Соединенных Штатах Америки, которые он посетил, будучи паломником...

– Хорошо, – сказал батюшка, – я предварительно позвоню Николаю Сергеевичу, спрошу его согласия на интервью, а потом и вам дам знать.

– Ну и слава Богу! – проговорил я и, протянув руки, попросил благословения. Отец Владимир сердечно благословил меня. После таких благословений в душе радость появляется и желание жить, работать творчески.

Да, большая ответственность лежит на наших пастырях, огромная. Хочется пожелать им творческого горения. Чтобы силой благодатного духа они зажигали в сердцах людей светильники Веры Православной, вели народ к спасению в вечности и оберегали свое стадо от волков...

Я поклонился отцу Владимиру и подошел к Казанской иконе Божией Матери. Посмотрел на лик Приснодевы Марии, Богомладенца Христа, пережил в душе историю этого образа, рассказанную отцом Владимиром.

Я перекрестился и помолился: «Матерь Божия, если есть на то святая воля Твоя, то благослови мою встречу с Николаем Сергеевичем, а если нет, то и не надо». Благоговейно приложился к образу и тихо, ступая, вышел из храма.

...И мы встретились с Николаем Сергеевичем Сарыгиным. Я увидел перед собой высокорослого, широкоплечего, немного полноватого человека, с белыми, похоже, что седыми, волосами, с красным, обветренным, словно у шкипера дальнего плавания с трехмачтового парусника, лицом и доброжелательным взглядом.

Встретились. Пожали руки. Познакомились. Разговорились. Я объяснил, что меня интересует. Он охотно согласился рассказать о своих приключениях на Алтае... Так началось наше знакомство и творческое сотрудничество.

Прежде всего, я записал историю спасения Казанской иконы Божией Матери. А потом два удивительных рассказа о спасении других икон – батюшки Серафима Саровского и Святителя Николая Чудотворца.

Я в те, 2000-ые годы, сотрудничал с редакцией газеты «Голос», публиковал на газетных страницах свои рассказы и стихотворения. Я не припомню, был ли напечатан рассказ про Казанскую икону Божией Матери в газете «Голос». Не припомню. А вот в моей книге «Ангел-Хранитель» давалась публикация всех трех. Книга вышла в 2003 году. Она принесла радость мне и другим, которые любят мое творчество. А таких немало. Слава Тебе, Господи!

Что еще хочется сказать? Прошло — пролетело со времени нашей первой встречи почти пятнадцать лет. Да, мы виделись с Николаем Сергеевичем, ездили по святым местам, беседовали. Он – интересный рассказчик.

Николай Сергеевич вышел на пенсию. Ему пошел седьмой десяток. Он занимается своим любимым делом – антиквариатом, реставрацией икон, беседами с людьми. Очень уж интересны его беседы.

И однажды мне подумалось, что надо бы записать знаменательные эпизоды из жизни этого человека. Вот, Никита Сергеевич Михалков, взял к своему семидесятилетию и опубли-

ковал шикарную книгу о своей жизни. Неужели Николай Сергеевич Сарычев не вправе издать свою? Конечно же, вправе!

И однажды, в начале марта 2015 года, когда у православных христиан начался Великий Пост, я изложил ему свою идею. Он с радостью, так мне показалось, ухватился за нее и дал согласие.

Три дня я посвятил беседе и записи информации о жизненном пути этого человека. Рассказывая, он старался сдерживаться. Но иногда, вспоминая прошлое, тяжелые жизненные эпизоды, он вдруг всхлипывал и нервный спазм прорывался слезами.

Я все понимал и сидел, мысленно молясь, ожидая, когда он успокоится... Он успокаивался, просил извинения. Я говорил: «Да что ты! Всякое бывает». И продолжал расспросы. Так собрался материал, к которому я сейчас и перехожу. Господи, благослови!

2 Н. С. Сарычев

Николай Сергеевич Сарычев родился 27-го октября 1953 года в селе Залесово. Это Алтайский край. Залесово – административный центр Залесовского района. Он расположен в 142 километрах к северо-востоку от Барнаула.

Почти шестьдесят два года прошло со дня рождения Николая Сергеевича. Для вечности – то ничто! А для самого человека, другого не скажешь – срок жизни приличный. И прожит он, скажем так – не впустую!

Село Залесово основано в 1751 году... В это время Российской империей управляла Императрица Елизавета Петровна – дочь Императора Петра I Алексеевича Романова, который провел реформы, изменившие во многом жизненный уклад русского народа и поставившие государство Российское в ряд развитых западно-европейских держав.

Залесово основано по преданию старообрядцами. Три семейства – Залесовы, Борисовы, Усольцевы собрались и бежали от барина, которому принадлежали, числясь в крепостной зависимости. Где они жили прежде, за Уралом – Каменным поясом, у купцов Строгоновых, в Змеиногорске, у купцов Демидовых, или в других местах, то нам не ведомо. Не сохранило предание таких сведений. Обычная история русской жизни.

Ехали беглецы на телегах, запряженных лошадьми, гнали с собой скотину, зорко смотрели по сторонам, искали место, которое бы пришлось по душе всем, обогрело бы сердце, обрадовало. Широкоплечие, длинноростые, с шапками густых волос, подстриженных под «горшок», с рабочими мозолистыми руками, с лестовками в руках, в русских рубахах, подпоясанных ремешками с молитвой, в штанах и лаптях, они упорно двигались вглубь Алтая. Отцы, матери, жены и дети были вместе с ними...

Раскол – одна из трагических страниц в истории Русской Православной Церкви.

Патриарх Никон приказал исправить опечатки в Богослужебных книгах. Они были найдены, исправлены и, согласно исправлениям, напечатаны новые книги.

По новым правилам осенять себя крестным знаменем полагалось не двумя перстами, а тремя, петь не два, а три раза «аллилуиа», ходить вокруг храма не по солнцу, а против солнца... Казалось бы, мелочь.

Царь Алексей Михайлович Романов, боярство, дворянство, священство, народ православный в большинстве своем приняли исправления и стали молиться по-новому.

У мнимых же ревнителей старины, вроде несчастного протопопа Аввакума и боярыни Морозовой, исправления книг вызвало в душах бурю отторжения и породило раскол. Люди побежали в леса, якобы спасаясь от антихриста.

Но, лишенный пастырей, раскол начал дробиться на секты, доходя в своих крайних проявлениях до изуверства.

Да, якобы старообрядцы крестились двумя перстами, молились по старопечатным книгам, но, обособившись, замкнувшись в своем узком кругу, они теряли в своих душах любовь к ближним, ту любовь, которую заповедал нам Христос.

В мнимых старообрядцах жила жгучая ненависть к Патриарху Никону, к троеперстникам-щепотникам. В троеперстии раскольники видели «бесовский кукиш». Человека другой веры они не привечали. А если по неволе подносили ему кружку с водой, то пустую посудину они бросали в отхожее место. Разве этому учил Христос?

В Древней Руси, вроде бы, крестились двумя перстами. А брат шел войной на брата. Князья русские губили православных христиан в междоусобных битвах... Русь раскололась на удельные княжества и была, за грехи человеческие, поглощена монголо-татарами.

Вроде бы, дважды пели: «аллилуиа», а Гришку Отрепьева, монаха-расстригу, тайного католика, допустили на Русский Престол.

Вроде бы, ходили вокруг храма по солнцу, а в смутное время Россия, как государство, едва-едва не была поглощена иноземцами. Так вот.

Я думаю так: приняла Русская Православная Церковь какие-то нововведения, так будь добр, соблюдай. Не отменена же Божественная Литургия – хлеб и вино преосуществляются в Тело и Кровь Христовы. Не отменены же Таинства – Крещение, Миропомазание. Покаяние, Евхаристия, Брак, Соборование, Священство. Так что еще нужно людям?

Церковь Православная – Столп и Утверждение Истины. Глава Православной Церкви – Сам Христос. Врата адовы не одолеют Церкви Божией.

Веруй православно. Твори добрые дела, ради Христа. И Бог даст – спасешь свою душу для вечности. Да. Так я думаю... Но раскольники думали иначе.

Наконец, странники поневоле нашли место, которое пришлось всем по душе. Мужик Залесов крепко натянув вожжи, громко крикнул:

– Тр-р-р, милаи, стой!

Лошади остановились. Следом встали телеги Борисовых и Усольцевых. Залесов, перекинув ноги, выпрыгнул из телеги, посмотрел по сторонам.

Внизу, в долине, лежал кусок луговой земли. Вокруг, на взгорьях, на отрогах Салаирского кряжа, стояли раскидистые ели. Тянулись рощи березняка и заросли осинника. Две горные речки – Брикатунка и Скакунка, сливаясь, рождали глубокий омут, из которого вытекала река Жерновка. Рыбья мелочь, посверкивая серебром чешуи, выплывала из глубины омута, поближе к поверхности. Чуть дальше, текла речка Каменка, несла свои воды в сторону реки Чумыш. Тихо. Спокойно. Безлюдно.

Залесов, которого признавали за главного, спросил Борисова и Усольцева:

– Что, мужики, глянется вам это место для поселения?

– Славное место, мил-друг! Лучшего и не сыскать.

– Тогда будем здесь обустраиваться, ставить избы для жилья да пригоны для скота. – Залесов глубоко вздохнул, – привел Господь, куда надобно. – Он широко перекрестился двумя перстами и поклонился на восток.

За ним перекрестились Борисов и Усольцев. Перекрестились и поклонились. Место найдено. Можно обустраиваться. Можно жить дальше на родной земле...

Сто с лишним лет прошло с того памятного дня, когда впервые в этом краю появились люди, начали хозяйствовать. Село Залесово за эти годы разрослось, застроилось. Поселились рядом со старообрядцами православные христиане. Не для вражды, а для мирной жизни.

Избы мужики рубили крепкие, просторные, больше – одноэтажные. Рядом с домом огораживали кусок земли. В теплые весенние деньки засекали в землю морковь, свеклу, репу, редьку, лук, чеснок. Сажали тыквы и подсолнухи. А в полях сеяли рожь, пшеницу, овес, лен.

Стояли пригоны для скота – быков, коров, лошадей, свиней, овец. Курятник, сеновал, амбар для зерна. Погреб для овощей. И, конечно же. банька.

В субботний вечерний день благо было войти в жарко натопленную баню, налить в шайку воды и смыть с себя рабочую грязь. И, плеснув на каменку корец воды, которая фыркнет столбом пара, взобраться на полку и в горячем пару пройти по телу, охаживая его распаренным березовым веничком.

Если зимой, то выскочить из банного чада под высокие крупные звезды и нырнуть в глубокий сугроб и, покатавшись в обжигающем снегу, покричав от удовольствия, вновь влететь в банный жар, вновь похлестать себя по телу веником, погонять кровь, чтоб струилась быстрее по жилам... Вот откуда, помимо прочего, бралось здоровье у людей, не отягощавших свое сознание ненужной информацией, бралось желание жить и работать на родной земле.

Большинство русских людей было в то время православными христианами. Они твердо знали простую, но важную истину: «Без Бога – не до порога!» И строили свою жизнь, согласно церковному календарю. Четыре годовых поста – Рождественский, Великий. Петров-

ский, Успенский, каждую среду и пятницу. Праздники – Рождество Христово, Светлое Воскресение Христово, Апостолов Петра и Павла. Успение Пресвятой Богородицы и еще много других.

Родится человек в мир – крестили и давали имя по «Святцам». После праздника великомученика и победоносца Георгия, окропив Георгиевской водой, скотину впервые выгоняли на поля. Делали все с верой, с молитвой, поэтому и помогал Господь труженикам.

В каждой крестьянской избе, в красном углу, на полках стояли святые иконы – Пресвятой Троицы, Иисуса Христа, Божией Матери, Ангелов, угодников Божиих, праздников.

Входил гость в избу, снимал с головы шапку, крестился, кланялся и говорил добродушно хозяевам:

– Мир вашему дому! Здравствуйте!

Они сердечно откликались на приветствие:

– С миром принимаем! И ты здравствуй, мил-человек! Проходи, гостем будешь.

Таков был православный этикет общения, выработанный веками.

И, конечно же, смерть человека. Все знали – сколько ни живи на свете, а смерти не минуешь. Придет она, безносая, в любое время, исхитит бессмертную душу из тела и отдаст ее Ангелам, чтобы вели они ее дальше – на поклонение Христу, на мытарства, на ответ за прожитую жизнь.

Лежал покойник в гробу – правая рука поверх левой, выражая тем свое смирение перед Господом. В правой руке – крест. В левой – рукописание, на лбу – венчик, как бы надежда на венец славы в Царствии Небесном.

Горели, истекая, восковые медовые свечи. Грамотей стоял и читал Псалтирь, чтобы богодухновенные псалмы Давидовы отгоняли от души усопшего нечистых духов – бесов проклятых.

На третий день, отпев, тело усопшего человека предавали земле. Ставили над могильным холмом крест. Царство Небесное. Вечный покой.

Дома родственники и односельчане поминали покойного кутьей, блинами, щами да кашей. Водку не пили за упокой. Не было такого обычая.

Свою церковь построили в Залесово только в 1896 году, в центре села. А потом еще одну – за речкой Каменкой.

Жили в Залесово в основном люди-труженики. Сажали и убирали хлеб. Держали скотину. Кто-то работал на маслозаводе. Кто-то катал пимы, шил бродни, бахилы. Кто хотел работать, тот без дела не сидел. Так всегда бывает. Жили – Бога славили.

В Залесово хозяйствовал купец по фамилии Пысин. Удивительно для меня, что предание сохраняет фамилии людей, а имена остаются в забвении. Пысин. Залесов, Усольцев. Почему так? Не знаю.

Пысин был предприимчивым человеком. Имел несколько торговых лавок. Потом открыл дежурный магазин. Он работал круглосуточно. Появилась у человека какая нужда в покупке. Мало ли что. Вставай, иди. Магазин открыт. Покупай, что тебе надобно. Лишь бы деньги были в кармане.

Так неостановимо шли годы. Так шла жизнь человеческая – от рождения до смерти. И кто проживал ее честно, в согласии с заповедями Божиими, работал, рожал и растил детей, помогал ближним, ради Христа, тому не страшно было умирать, потому что человек видел в смерти только переход от временной, земной – к жизни вечной.

В августе 1914 года началась Первая мировая война. В феврале 1917 года, как снег на голову, обрушилась Февральская революция. Благородный Царь Николай вынужденно отрекся от власти в пользу своего брата Великого Князя Михаила Романова. А несчастный Михаил передал бразды правления Временному правительству. Так закончилось в России время правления династии Романовых. Величайшая трагедия!

В Писании сказано: «Поражу пастыря, и рассеются овцы». Это в полной мере проявилось в России.

Октябрьский переворот. Приход к власти Ленина и партии большевиков. Лозунг Ленина и большевиков, брошенный в массы: «Грабь награбленное!» Сказано, словно закон, и зверские людские страсти раскрепощаются. И ограбить и убить человека, твоего брата во Христе, только лишь «экспроприация экспроприаторов». Гибель Царского семейства. Гражданская война.

Брат пошел на брата. Все зверствовали – и красные, и белые. Интервенты, вроде японцев, американцев, англичан, французов, чехов, мадьяр и прочих, тоже не отличались благородством манер. Убивали все. Убивали жестоко. Кровь человеческая лилась рекой. До сего дня памятен на Алтае зверства банды анархиста Григория Рогова.

В Залесово стоит памятник со звездой. Лежат под ним жертвы борьбы за советскую власть. Наверное, простые русские мужики, обманутые и увлеченные большевистской агитацией. И молиться-то за них не хочется. Вот ведь печаль какая!

Прошли годы новой экономической политики. В советской России шло строительство социализма. Началось раскулачивание. Разрушение храмов. Создание колхозов. В Залесово храм переоборудовали под спортзал.

В двадцатые годы двадцатого века приехали из России на Алтай супруги – Фрол да Елизавета Сарычевы. Поселились они в селе Боевой. Фрол коммунистом был, сознательно стоял за советскую власть, за социализм.

А Елизавета была другого склада – веселая, бойкая, разговорчивая, гостеприимная. В молодости она жила в дворянской усадьбе, прислуживала старому барину.

Он, одетый в бархатный халат, в ермолке, седоусый, гологрудый, сидел на тахте и бесцветным взглядом смотрел за окно, на яблоневоый сад. Наливные антоновские яблоки висели на ветвях, пригинали их своей тяжестью к земле.

Барин грустно думал: «Когда-то я был молод и силен. Любил женщин и они меня любили. Да, изменял жене. Да, гулял, тратя без счета жизненные силы. Был рысаком. И что теперь? – Он посмотрел на свои старческие руки в прожилках вен, покачал печально головой. – Жизнь прошла. Отгорела. Теперь наливные яблочки не для меня. А так хочется вспомнить молодость! Э-хе-хе!».

Мимо пробегала Елизавета. Барин повелительно крикнул ей:

– Стой, Лизка!

Она остановилась. Стояла, тая лучики смеха в глубине глаз, смотрела на старого барина. Молодая, свежая, тугая телом, словно наливное яблочко.

– Подойди ко мне, Лизанька! – попросил старик, – присядь рядом со мной.

Лиза покорно присаживались рядом с барином. Он, глубоко вздохнув, осторожно клал свою старческую руку на девичью грудь, голову склонял на плечо, закрывал глаза и вспоминал прошлое. Слезы, закипев, катились у него из глаз, струились по щекам, мочили усы. Он сидел, млел и плакал о невозвратном, отгоревшем.

Елизавета сидела рядом с барином тихо, словно мышка. Она жалела старого усача, понимала, что для него все в прошлом, но удивлялась тому, что блудная страсть все еще живет в этом ветхом теле, что лапая ее, чужую девушку, старый хрыч не боится Бога.

Барин открывал глаза, вытирал слезы и говорил:

– Утешила ты меня, Елизавета! Ступай в сад, нарви себе яблок. Скажи, что барин приказал. Ах! Лишь бы Господь простил меня за мои грехи. Иди, девочка, иди!

Он махал рукой, и она, радостная, выбегала в сад, срывала яблоки с веток и укладывала в подол юбки... Ах, и вкусны же были антоновские яблочки – память юности...

Елизавета встретила с Фролом, когда в России вовсю совершались перемены, когда дворян, белую кость, классовых врагов пролетариата, расстреливали в подвалах чека, в рощах

и ложках, когда готовился «великий перелом» – раскулачивание и организация колхозов. Товарищ Иосиф Сталин вел борьбу со своими конкурентами за единодержавие.

Они полюбили друг друга и поженились. А потом они отправились на Алтай. Думалось им, что жить в тех краях будет полегче, посытней, чем в России. А Фролу хотелось послужить делу партии – быть наставником народа на пути в светлое будущее – в коммунизм.

Из села Боевой Фрол и Елизавета перебрались в село Ветохино. Оно рядом с Боевым расположено, километрах в двух.

В Ветохино Фрол устроился работать на пимокатню. Жить-то надо было, деньги зарабатывать. К тому времени, в 1929 году, Елизавета родила сына. Назвали его Сергеем. Это был ее не первый ребенок.

Елизавета – сильная женщина, роддомов не признавала. Родила она сына у себя в избе, под родным кровом. Конечно, повитуха была рядом с ней, чтобы младенца принять, пуповину перевязать, новорожденного искупать и роженице показать: «Принимай, мать, дитя! Корми его молочком, чтобы рос он сильным и здоровым!»

А Фрол все думал о том, как бы людей повернуть от старого к новому. Вел он в пимокатне агитацию, склонял работников к новому взгляду на окружающую жизнь. В его рассказах не было места эксплуатации человека человеком.

– Человек человеку – друг, товарищ и брат, – говорил он мужикам, сидя в обеденный перерыв возле здания пимокатни, куря махорочную самокрутку, – так товарищ Ленин говорил, учил нас, учил, наставлял уму-разуму. Ленин – это вождь и учитель, самый человечный человек, глыбища. Все растолковал народу – как жить, как работать, указал путь в светлое будущее, в коммунизм. Все тогда будут равны друг перед другом. Будут работать по способностям, а получать по потребностям.

Попы вот говорили, что все люди равны перед Богом. Врали они. Был Царь – главный помещик. Дворяне, купцы, кулаки и прочая белая кость. А были и есть – крестьяне, рабочие – нищета.

Теперь Царя нет. В стране – диктатура пролетариата. Власть белой кости в прошлом. Нам, товарищи, надо объединяться, создать коммунистическую партийную ячейку. Начать агитировать местное население за организацию колхоза, за общий радостный труд.

А кулаков и подкулачников и всех, кто не пойдет в колхоз, надобно раскулачить и в ссылку, в Нарым направлять.

Слушали мужики Фрола. Многим нравились его слова – о равенстве, о справедливости, о взаимопомощи, о совместном труде на благо всех... Вскоре один мужик под влиянием слов Фрола вступил в партию. Потом второй. В селе образовалась партийная ячейка.

Да не всем в Ветохино глянулась деятельность Фрола Сарычева. Знали зажиточные крестьяне, что Фрол агитирует за совместный труд, и ненавидели его за это люто.

Собирались вечером крепкие мужики, курили махорку, судачили о Фроле.

– Вредный он человек! – говорил один из зажиточных ветохинцев, – принес его нечистый на нашу голову.

– Ведет он активную агитацию, – продолжал другой сельчанин, – склоняет бедноту к действиям. Если так дальше пойдет, то окажемся мы голю перекатной. Разве можно такое дальше терпеть?

Помолчали. Сидели, гоняли желваки под скулами, наливались злобой.

– Надо его прикончить, – нарушая молчание, сказал кто-то, – прийти вечером, вызвать за ограду и...

– Завтра здесь соберемся и пойдем, – порешили мужики и разошлись.

Вечером Фрол пришел с заседания партячейки. Помыл руки, присел за стол и ласково попросил:

– Хозяюшка, покори муженька!

Елизавета вышла из кухни, поставила перед мужем глиняную чашку с окрошкой и положила несколько ломтей ржаного хлеба. Обтерла деревянную ложку полотенцем, подала и сказала:

– Кушай, Фролушка!

Напротив стола, на божнице, стояли иконы. Но Фрол не помолился, не перекрестился. Став коммунистом, он твердо поверил в то, что религия – это опиум для народа и духовная сивуха, поповский обман для угнетения трудящихся. Бога для него не существовало. Он терпел иконы-то в избе ради жены, не хотел ее огорчать. А то давно бы топором порубил и в печку бросил.

Об этом-то глубоко печалилась Елизавета. Она верила в Бога. Присев на лавку рядом с мужем, она положила щеку на ладонь правой руки, печалась, смотрела на мужа. Он не понимал ее душевного состояния. Откусывал от ломтя кусок ржаного хлеба, жевал, хлебал окрошку, думал о чем-то своем, радостном.

За окном стемнело. В засиневшем небе прорезались звезды. Внезапно во дворе злобно залаял кобель. Камешек стукнул в оконце, и чей-то голос позвал:

– Фрол, ты дома? Выйди на минутку.

Фрол положил ложку, взглянул на жену.

– Кто это, не признаю. Но раз зовут, значит надо пойти.

Он встал из-за стола и вышел во двор. Елизавета осталась сидеть в горнице. У нее от нехорошего предчувствия сжалось сердце. Она прошептала: «Господи, помилуй!»

За калиткой Фрола поджидало шестеро человек. Он приветливо сказал:

– Здорово, мужики! Зачем позвали?

Никто не ответил. Все произошло быстро. Фрола подхватили под руки, валя назад, схватили за ноги, подняли повыше, копчиком долбанули об землю и отпустили.

Боль пронзила Фрола до мозга. Он мучительно ахнул и завалился на бок.

Плюясь, шепотом ругаясь, мужики затопали прочь. Стало тихо.

Елизавета, сидя в горнице, слышала тупой удар, вскрик и обмерла от испуга. Но, приходя в себя, чувствуя беду, она вскочила на ноги, перекрестилась и выбежала за калитку.

Она увидела мужа, он лежал на боку.

– Фролушка, милый! – крик Елизаветы полетел по сонной улице. Она заплакала, зарыдала, наклонилась над мужем.

Он открыл глаза. Посмотрел мутным взором на жену. Еле ворочая языком, прошептал:

– Вот и пожил...

На крик и плач Елизаветы сбегались соседи. Фрола подняли, занесли в избу, положили на лавку. Он потерял сознание...

Умирал Фрол мучительно. Болело отшибленное нутро. Мочился он кровью. Елизавета смотрела на мужа, вздыхала и плакала. А потом, набравшись духу, спрашивала:

– Фролушка, вижу я, что ты помираешь. Рада бы сказать иное, да не могу. Потому что помрешь ты, с чем твоя бессмертная душенька к Господу придет, какими делами Его обрадует, чем оправдается? Фролушка, давай я к тебе батюшку приведу. Покаешься ему в своих грехах, причастишься Христовых Таин, тебе легче станет. Пригласить батюшку?

Фрол, слыша слова супруги, скрипел зубами, мотал головой и, набравшись сил, задыхаясь, отвечал:

– Даже не думай! Не верю я в Бога. Нет Его! Смерти я не боюсь. Каяться мне не в чем. Жил я честно. И других этому же учил. Я Ленина признаю. Партию. А не вашего Боженьку. Нет Его, нет! Если Он есть, то почему Он допускает в мире такие несправедливости? Нет Его, нет! И не нужен Он мне. Все. Точка.

Он замычал, заскрипел зубами. Из уголка губ потекла кровь.

Елизавета обтерла ее и смотрела на мужа. Он все метался по кровати, скреб грудь ногтями, что-то перебирал руками.

Внезапно он затих. Елизавета со страхом смотрела на мужа. У Фрола расширились глаза. В них отразился ужас. Он широко раскрыл рот и, зажмурившись, словно проглотил что-то горькое. Выдохнул и умер. Елизавета побежала по улице – звать помощников.

Фрола обмыли, обрядили в чистые одежды, положили в гроб. Фрол строго-настрого наказал, чтобы не было никакой поповщины – креста, молитв, отпевания. Креста-то он сам не носил и другим не советовал. Он лежал в гробу – руки вдоль туловища, словно у Ленина.

Приходили с ним попрощаться товарищи по партии, сочувствующие. Утешали Елизавету, говорили, что ее муж героически погиб в борьбе за советскую власть, за светлое будущее, память о нем вечно будет жить в наших сердцах.

Елизавета согласно кивала головой, плакала...

Похоронили Фрола на местном кладбище – без креста, без вечной памяти. Помянули и разошлись. Елизавета стала жить вдовой. Сына растить. Да Бога она никогда не забывала. А память о Фроле осталась у нее на сердце горькой зарубкой.

В Ветохино организовали колхоз. Елизавете настойчиво предлагали: «Вступай!» Она же не хотела совместно трудиться с колхозниками. Работала на себя. Когда очень уж докучали, то она поворачивалась к агитатору задом, чуть наклонялась вперед и, сильно шлепнув себя по ягодицам, говорила:

– Вот где я видела ваш колхоз!

Но жизнь все-таки брала свое. Сережу пришлось отдать в сельскую школу, чтобы он обучался грамоте.

В селе появилось радио. В клуб привозили и показывали советские кинофильмы – «Путевка в жизнь», «Веселые ребята», «Волга-Волга» и другие. Жизнь продолжалась.

В Советском Союзе объявили «безбожную пятилетку». Коммунисты планировали к 1942 году полностью покончить с религией в стране. Шла борьба против врагов народа. Людей забирали, как тогда говорили – «по линии НКВД». Колхозников, рабочих, инженеров, врачей, священнослужителей, артистов... Судили. Кого-то расстреливали. А большинство из осужденных отправляли в лагеря – на стройки социализма. Да, социализм строился руками заключенных.

По всей стране, по всему Советскому Союзу, словно раковые опухоли, расплозились лагеря. Печально знаменитый ГУЛАГ.

22-го июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз. Началась Отечественная война. Это нападение, эта война, всколыхнули страну. Уже не было и речи о «безбожной пятилетке». Иосиф Сталин вынужденно обратился к патриотизму русского народа. Открылись уцелевшие храмы. Был избран Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). Армии вернули погоны. Воины проявляли чудеса героизма. Помогал Бог. И 9-го мая 1945 года фашистская Германия была повержена. Мирная жизнь вернулась в страну. Надо было жить. И люди жили, и работали, и радовались жизни, кто как мог.

Сергей Фролович Сарычев повзрослел. Отслужил три года в Советской армии и вернулся домой. Получил он хорошую профессию – водителя. Она всегда была востребованной.

Елизавета с любовью смотрела на сына. Вот он сидит за столом, неторопливо ест суп. Чем-то он напоминал ей мужа – Фрола, которому она сохранила верность, замуж больше не выходила.

Подавая на стол сковороду с жареной картошкой, Елизавета осторожно говорила:

– Сереженька, стара я уже становлюсь. Хорошо бы молодую хозяйку в дом привести. Маме помощницу. Жить в любви и согласии.

Елизавета убрала со стола сковороду, поставила кружку с горячим чаем. Вновь говорила:

– А то помру и внучков не поняну. А так хочется на ногу твоего парнишонка покачать.

Сергей вставал из-за стола, обнимал мать за плечи, целовал в щеку и отвечал:

– Не грусти, мама! Посмотрим...

Вскоре в селе Боевой, Сергей познакомился с хорошей, пригожей девушкой. Звали ее Натальей. И погуляли-то они всего ничего – недолго. Но Сергей понял сердцем – моя суженая и другой мне не надобно.

Однажды вечером Сергей взял Наталью за руку, посмотрел ей ласково в глаза и сказал:

– Наташенька, милая ты моя! Люба ты мне стала за эти недолгие деньки нашего знакомства. Прикипел я к тебе сердцем и не хочу тебя отрывать от него – больно будет. Знаешь что, выходи за меня замуж!

Наташе тогда двадцать два года исполнилось. Молодая девица, красивая, кровь с молоком. Да, хотела она семью создать, чтобы с мужем жить, детей ему рожать. Поэтому, немного смущаясь. Она ответила:

– И ты мне люб, Сереженька! Я не против замуж за тебя выйти, согласна.

Сергей обнял свою суженую и радостно приник к ее губам...

Поженились Сергей и Наталья. Расписались в ЗАГСе. Получили отметки в паспорте: Сергей – муж, Наталья – жена. Справили скромную свадьбу. Началась для молодоженов совместная жизнь.

Елизавета радовалась сердечно. Исполнилось ее желание – сын, Сережа, женился. Привел в дом супругу. И девушку-то взял за себя хорошую – спокойную, добрую, работающую. Мир да любовь вам, детки! Живите счастливо.

Сергею и Наталье почему-то не захотелось жить в Ветохино. Задумал Сергей переехать на жительство в Залесово. Присмотрел он там недорогой дом, договорился с начальством. Ему сказали: «Водители нам нужны. Приезжай!»

Уволился он из Ветохинского хозяйства. Утром погрузили домашний скарб на машину. Елизавета сходила на кладбище, чтобы с Фролом попрощаться. Постояла возле могилки, помолчала, вспомнила прошлое, всплакнула. Сказала на прощанье:

– Бог тебе Судья, Фролушка! Не знаю, чем тебе помочь. Сам ты отказался от помощи Божией. А я против твоей воли не хочу пойти. Прощай, мой дорогой.

Вытерла она слезы. Поклонилась в пояс могилке. И пошла, не оборачиваясь, к выходу кладбищенскому. И чувствовалось ей, что словно бы Фрол смотрит ей в спину сожаляющим взглядом, хочет что-то сказать и не может...

Елизавета подошла к машине. Сергей сел за руль. Мать и жена рядом. Заработал мотор, и машина, покачиваясь на ухабах, направилась в сторону Залесова. Прощай, Ветохино! Прощай, прошлое! Здравствуй, новой, неизведанное!

В Залесово Сергей стал работать шофером в хозяйстве. Наталья устроилась работать на Кордон. Так называли местные жители таежную глушь, начинающуюся чуть в стороне от Залесова.

Здесь стеной стояли сосны – толстоствольные, раскидистые. А то – высокие, стройные, словно корабельные мачты.

Мужики срезали автопилами сосны ближе к корню. Они, жалобно проскрипев, теряя опору, с шумом падали на землю. Ветви обрубали. Трактора волокли древесину к реке. Работники пилили сосняк на бревна. Сталкивали в воду, скрепляли одно с другим, формируя плоты, которые погонят вниз по реке к месту назначения. Работа тяжелая, ничего не скажешь. Но хоть вольная. Да и деньги платили неплохие.

Наталья недолго проработала на Кордоне, потому что почувствовала себя несправедливой – забеременела.

Елизавета, когда узнала, что невестка в положении, обрадовалась, расцеловала ее в щеки и наказала:

– Роди мне внука!

Наталья, смущаясь, ответила:

– Я не знаю... как получится.

Но Елизавета была категорична, настаивала:

– Внука рожай, внука!...

Пришел октябрь 1953 года... В этом году, 5-го марта, умер «вождь и учитель, отец народов» – Иосиф Виссарионович Джугашвили, более известный по партийной кличке – Сталин. Забальзамированное тело покойного положили на Красной площади, в Мавзолей, рядом с Лениным.

При правлении Никиты Сергеевича Хрущева, генерального секретаря коммунистической партии Советского Союза, будет разоблачен культ личности Сталина. Его тело вынесут из Мавзолея и предадут земле рядом с кремлевской стеной. На могиле поставят бюст.

А что стало с грешной бессмертной душой Иосифа, чем она оправдалась за свою жизнь перед Господом, Бог весть. Не знаю. Не хочу гадать. А вот помолиться о упокоении души Иосифа Джугашвили почему-то не хочется. Нет, не хочется...

Октябрь. Листья на березах пожелтели. На рябинах – покраснели. Налетал холодный ветерок, и листва сыпалась с деревьев разноцветным дождем, устилала шуршащим ковром землю. Лишь ели и сосны остались стоять в своих нарядах – зеленых колючках. Вода в реках стала холодней, синей. Урожай убрали с полей и огородов.

Сергея в те дни отправили в командировку от совхоза – помогать соседям вывозить зерно на элеваторы.

Наталья вышла провожать мужа. Она уже доживала последние дни. Стояла возле ограды, бережно поддерживала большой округлый живот, наполненный новой жизнью.

Сергей, волнуясь, говорил:

– Ты это... ты побереги себя. Недолго уже осталось.

У Натальи на глаза навертывались слезы:

– Да-а, побереги... Ты вот уезжаешь, а я остаюсь. Страшно мне без тебя будет.

Она приникла к мужу, спрятала лицо у него на груди. Он ласково погладил жену по волосам и сказал:

– Мама тебе поможет, поддержит. А ты все-таки побереги себя. Побереги!

Сергей поцеловал жену и, ступив на подножку машины, лихо запрыгнул в кабину, помаhal рукой, улыбнулся и, повернув ключ зажигания, завел мотор, поехал.

С крыльца спустилась Елизавета. Она не хотела мешать прощанию сына и невестки. Лишь перекрестила сына и помахала вслед уехавшей машине, желая ему счастливого пути.

Елизавета набросила на плечи невестки пуховую шаль и, бережно поддерживая, повела в горницу, говоря на ходу:

– За Сергея ты не переживай. Он парень самостоятельный. Ты о себе подумай. Тебе рожать скоро.

Наталья прижалась к плечу свекрови, тихо сказала:

– Боюсь я, мама! Больно будет.

Елизавета, как бы ворчливо, ответила:

– Боюсь, боюсь. Бойся, не бойся, а придет срок, родишь ты, никуда не денешься. Помаешься маленько и родишь. Господь в Библии сказал Еве, что, мол, за свой нераскаянный грех, в муках станешь рожать детей. Вот мы, бабы, и рожаем с той поры в муках. Такая наша доля бабы. Ну, пойдем, пойдем в избу-то. Я тебя сейчас молочком угощу...

Пришло 27-ое октября. Наталья почувствовала приближение родов, схватилась за низ живота, испуганно позвала:

– Мама, мама!

Елизавета поспешила на зов невестки.

– Что, что, доченька?

– Начинается...

Елизавета быстро разобрала постель. Оставила Наталью в одной рубашке. Помогла ей прилечь на чистую простыню, перекрестила роженицу, сама перекрестилась и помолилась:

– Господи, благослови! Мать Пресвятая Богородица, помоги Натальюшке избавиться от бремени, помоги благополучно родить.

Она поставила на горячую печь бак с холодной водой, чтобы под рукой была теплая, и встала возле постели.

Наталья почувствовала движение внутри живота. Мучительная боль охватила, словно раскаленным обручем, поясницу, заставила пронзительно закричать роженицу, выжала из ее глаз слезы.

Несколько часов страдала Наталья, рожая человека в мир. Также, как страдают женщины по всей земле в час родов, что в Америке, что в Европе, что в Австралии. Все слова Господа, как все Его заповеди и постановления, непреложны. Сказано, что в муках будете рожать, вот в муках и рожают.

– А, а, а! – стонала Наталья.

А Елизавета просила:

– Мать Пресвятая Богородица, помоги! Тужься, Натальюшка, тужься!

И вот свершилось – человек родился! Елизавета подхватила младенца, перевязала пуповину, сделала все, как надобно. Держа на руках новорожденного, она смеялась и плакала, говорила весело:

– Смотри, Натальюшка! Мальчишечку ты родила, как мне и желалось. Слава Тебе, Господи!

Наталья лежала на спине, остывала от родовых мук. Улыбалась сквозь слезы. Она видела, что свекровь держит на руках мальчика, ее сына, которого она только что родила, и что-то новое, неизведанное до этого часа, входило в ее сердце. Оно наполнялось материнской любовью.

Елизавета купала новорожденного, завернула его в простынку и уложила в кроватку. Помогла Наталье привести себя в порядок, перестелила постель и уложила молодую маму на чистые простыни и пуховые подушки. Она легла, закинула руку за голову и блаженно затихла.

Новорожденный лежал в кроватке, похныкивая. Он привыкал к своему новому положению.

Елизавета взяла кусок ржаного мякиша, пожевала, завернула в марлю и сунула младенцу в рот. Он стал сосать ржаную кашу, зачмокал губками.

– Что это вы ему дали, мама? – удивленно спросила Наталья.

– Ржаную соску, – ответила свекровь, – меня так мать моя учила. Теперь ты тоже знаешь об этом.

В горнице стало тихо. Великое таинство рождения человека совершилось. И произошло оно не в родильно доме, а под родным кровом, в своей избе. Так захотела Елизавета. Так она и сделала.

В день рождения младенца в семье Сарычевых – на Залесово, на округу, лег глубокий, свежий снег. Ударил морозец. Пришла зима.

Дни пошли за днями. Наталья приложила сына к груди. Он, ухватив мягкими губками коричневый сосок, довольно зачмокал, насыщаясь материнским молоком. Какую несказанную отраду чувствовала в это время Наталья!

Утром возле избы Сарычевых затормозила машина. Распахнулась дверь, в горницу вошел Сергей. Наталья, увидев мужа, кинулась к нему. Обнялись.

– А ты уже родила, как я вижу, – довольно-радостно сказал Сергей.

– Да, родила, – ответила Наталья.

– Вот он, сынок твой и внучок мой. Спит. – сказала Елизавета, – погляди.

Сергей посмотрел на спящего сына. Улыбнулся. Дотронулся пальцем до мягкой щеки ребенка. Снова улыбнулся.

– Как мальчика назовем? – по-деловому спросила Елизавета, теперь уже бабушка.

Сергей подумал и сказал:

– Друг у меня был. Колькой звали. Хороший парень. Имя тоже хорошее. Вот и нашего назовем также – Колькой. Николаем.

– Слава тебе, Господи! – перекрестилась Елизавета, – будет теперь батюшка Николай Чудотворец, угодник Божий, нашему Николеньке заступником и покровителем. Завтра пойду в сельсовет, чтобы рождение нашего Николая зарегистрировали.

– Ну и хорошо! – весело сказал Сергей. Ему хотелось улыбаться и улыбаться. Он стал отцом. Удивительное и радостное для него событие.

Переночевав дома, на следующий день Сергей поехал в новую командировку. Сказал Наталье на прощанье:

– Вернусь скоро. Береги сыночка: пусть он растет крепким и сильным. До свиданья, родные!

И он уехал... Елизавета собралась и вышла из дома. Посмотрела по сторонам, выдохнула клуб густого морозного пара и, поскрипывая снежком, направилась по улице в сельсовет.

В сельсовете она спросила у секретарши:

– Милая, моя невестушка сыночка родила. Дома родила, не в роддоме. А теперь бы зарегистрировать мальчика надобно, получить документ о рождении.

Молодая секретарша удивленно смотрела на Елизавету. Молчала, словно не знала, что ответить. Наконец она спросила:

– А почему вы свою невестку в роддом не доставили?

Она, не смущаясь, ответила:

– Так вышло.

– Нет, – ответила секретарша, – какому-то неизвестному новорожденному я ничего выдавать не буду. Вдруг вы для каких-то своих целей требуете свидетельство о рождении. Выдам я его вам, а потом что-то нехорошее для меня случится. Понимаете?

– А что же мне теперь делать? – спросила Елизавета.

– Приносите в сельсовет новорожденного, а там посмотрим...

И пришлось Наталье тепло укутывать младенца Николая, брать его на руки и нести вместе с Елизаветой в сельский совет – на смотрины.

Когда секретарша увидела новорожденного, то умилилась и сказала:

– Ах, какой он у вас хорошенький! А в следующий раз. Когда будете рожать, то обязательно в роддом отправляйтесь. Для того у нас государством родильные дома строятся, чтобы трудящиеся женщины рожали детей под приглядом опытных врачей-акушеров, а не в антисанитарных условиях. Поняли?

Наталья кивнула головой... Они, свекровь и невестка, возвратились домой радостные, со свидетельством о рождении младенца Николая Сарычева, которое случилось 27-го октября 1953 года...

Через год Наталья родила еще одного сына. Тоже дома. И назвали его Леонидом.

Деревенское детство. Свежий воздух. Красота окружающего мира. Рассказы бабушки Елизаветы о Боженьке. Все это подспудно питало сердце маленького Коли. Заставляло смотреть на мир, на природу, как на чудо Божие.

Он помнил походы с бабушкой Лизой то ли в деревянный храм, то ли в молитвенный дом, который стоял за речкой Жерновкой. Сюда приезжал батюшка и совершал для православных христиан Богослужения. Отпевал усопших, крестил младенцев, исповедовал, причащал. Здесь-то, в храме за речкой Жерновкой, маленький Николай и принял крещение.

Он помнил дни Светлого Христова Воскресения, Пасхи. Николаю пять лет. Леониду четыре года.

Бабушка будит внуков ранешенько. Целует полусонных, говорит радостно:

– Христос воскрес!

Они, позевывая, отвечают, как бабушка научила:

– Воистину воскрес!

– Умывайтесь поскорей да пойдем в храм! – торопит бабушка внуков.

И вот, умытые, причесанные, одетые празднично, они выходят из дома. Еще рано. Свежо. От реки стелется туман. Но птицы уже поют, щебечут на разные голоса, хвалят Воскресение Христа из мертвых. Солнце чуть поднялось из-за горизонта. Солнце тоже радо Воскресению Христову. Оно весело «играет» – то начинает вращаться, то пульсировать, испуская разноцветные лучи, даря смотрящим на это действие несказанную радость в сердца.

Бабушка и внуки подходят к реке Жерновке. В глубоком омуте, в речных заводях живет рыба – гальяны, пескари, чебаки, окуни, щучки, которых называют шурогайки.

Мост через Жерновку подвесной. Идешь по нему, он пружинит под ногами, покачивается. А вдруг рухнет в воду! И хочется побыстрей пройти по нему на другую сторону.

Баба Лиза одета празднично. На голове у нее светлый платок. Голубая кофта. И длинная черная юбка. Она несет в руке лукошко. А в нем – вареные яйца, окрашенные луковой шелухой, кулич и творожная пасха. Батюшка будет освящать пасхальную снедь – прочтет молитву и станет кропить святой водой.

Возле храма стоят люди. Батюшка уже приехал. Сейчас начнется пасхальная заутреня. Все радостно запоют: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав»...

А потом будет освящение яиц, куличей, пасок. Люди станут христосоваться друг с другом, поздравлять с праздником, радоваться. Потому что Христос воскрес. И все умершие во Христе тоже воскреснут. Будет жизнь вечная в Раю сладости, где нет ни печали, ни воздыхания.

Николай сидит возле храма. Светит ласковое солнышко. Он, шурясь от солнечного света, смотрит на двух девчонок. Они вынимают из корзины по крашенному яйцу и примерившись, стучат яйцо об яйцо острыми носами. «Твое кокнуло, твое кокнуло!» – радостно кричит одна из девчонок и смотрит на Колю. Он зажмуривает глаза и улыбается...

Далекое, милое детство!..

3 Поездка в восточный казахстан

В 1959-ом году Сергею Сарычеву предложили поехать в Восточной Казахстан – на строительство Бухтарминской ГЭС. Говорили ему: «Увидишь новые места. Заработаешь неплохо. Водителям хорошие деньги платят»... Он подумал и согласился.

Дома он сказал Наталье:

– Наташа, я задумал поехать в Восточный Казахстан. Неподалеку от города Усть-Каменогорска течет горная река Бухтарма. На ней будет строиться гидроэлектростанция. Страна нуждается в электроэнергии. Буду работать на «Мазе», перекрывать реку и прочее, что понадобится делать. Такие вот дела!

Наталья помолчала. Новость для нее была неожиданной. Она не хотела расставаться с Сергеем, жить одной с мальчишками. Поэтому, волнуясь, она спросила мужа:

– А мы? Нас возьмешь с собой?

Сергей улыбнулся, обнял жену за плечи, ответил:

– Куда я без вас? Конечно же возьму!

Он засмеялся, подхватил жену на руки, закружил по горнице. Она, как бы сердясь, хлопала его по спине и просила:

– Сережка, медведь ты этакий! Отпусти меня.

Он бережно ставил Наталью на пол, крепко целовал и говорил:

– Надо собираться. Скоро отъезд.

Елизавета осталась в Залесово... Сергей оформил документы, получил на работе расчет. И они четверо, Сергей, Наталья, Николай и Леонид, поехали на строительство Бухтарминской ГЭС.

Место оказалось гористым. Река Бухтарма – быстрой, шумящей. Поселили новоприбывших в бараке. Выделили для семейства комнату.

Сергей поставил чемоданы на пол, оглядел новое жилье, спокойно сказал:

– Будем обустраиваться, жить и работать.

Получил Сергей на строительстве мощный «Маз». Он работал на дизельном топливе. Сразу же, с первых дней, впрягся в работу. И дело у него пошло.

Наталья вела домашнее хозяйство, приглядывала за сыновьями. Познакомилась с соседями. Быстро освоилась на новом месте. Когда человек хороший, доброжелательный, то люди это чувствуют и тянутся к таким людям. Так вот пишется об этом в Псалтири Давидовой: «Я был молод, и состарился, и не видел праведника оставленным и потомков его просящими хлеба; Он всякий день милует и займы дает, и потомство его в благословение будет. Уклоняйся от зла, и делай добро, и будешь жить вовек».

И мальчишки, Николай и Леонид, познакомились с соседскими мальчишками и стали своими в новой кампании. Часто в оконное стекло комнаты, в которой жили Сарычевы, раздавался стук, и звонкие мальчишеские голоса звали братьев:

– Колька, Ленка, вы дома? Айда на улицу – в войнушку играть.

Наталья, отпуская сыновей, говорила:

– Смотрите, сильно там не балуйтесь!

– Хорошо! – кричали радостно братья и выбегали из комнаты в длинный барачный коридор...

Однажды случилась такая история. Сергей Сарычев приехал домой, чтобы пообедать. Наталья поставила на стол чашку с супом, нарезала хлеба, свежих огурцов. Сергей принялся за еду, попутно рассказывая о новостях строительства.

Наталья сидела рядом с мужем, слушала его рассказ и в душе было довольна тем, что у нее хорошая семья, любящий и работающий муж, детки, которых она родила от любимого

человека, дом, хозяйство. Что еще нужно женщине для полного счастья? А вот то, что есть! Есть, и довольно!

Сергей оставил стоять «Маз» возле барака. Любопытная ребятня тотчас окружила машину. Мальчишки с восхищением смотрели на огромный автомобиль. Коля и Леня стояли здесь же.

Кто-то из мальчишек сказал мечтательно:

– Вот бы в кабине посидеть, руль покрутить.

У всех загорелись глаза.

– Коля, – спросил кто-то, – твой папа не заругается, если мы в кабине посидим?

Николай пожал плечами:

– Наверное, нет.

И расхрабившаяся ребятня, подсаживая друг друга, открыла дверцы «Маза» и набилась в кабину. Шестеро человек их было вместе с Николаем и Леонидом.

Кто-то стал крутить руль, кто-то гудеть, как будто машина работает и мчится по дороге, подпрыгивать на мягком сиденье.

«Маз» стоял на ручном тормозе. Как так получилось, что кто-то из расшалившихся мальчишек, взял и снял тормоз.

Машина стояла под горочку. И вот, освобожденная от тормоза, она сдвинулась с места и медленно пошла вниз – к пропасти, по дну которой, среди острых утесов, стремительно неслась горная река.

Мальчишки испуганно завопили. Старшие, открыв дверцы, сыпанули наружу.

А Николай и Леонид почему-то остались сидеть внутри. То ли духу не хватило, чтобы прыгнуть на ходу, то ли еще что.

Наталья увидела в окно, что «Маз» сдвинулся с места и покатился под горку – к пропасти, страшно закричала:

– Сергей, дети!

Он поднял голову и все понял. Рывком взлетел из-за стола, распахнул дверь и, пробежав по коридору, выскочил из барка.

«Маз» пылил впереди, набирал скорость. Дизель начал пофыркивать, готовясь заработать.

Никогда в жизни Сергей так быстро не бегал. Он мчался вперед, выбрасывая ноги, оставляя на пыльной дороге следы босых ступней.

Николай и Леонид, увидев бегущего отца, выглядывали из кабины, жалобно звали:

– Папочка, папочка, спаси нас!

Сергей, потный, тяжело дыша, догнал «Маз», прыгнул на ходу на подножку. Голая пятка больно ударилась о металл. Он навалился грудью на руль. Отвернул машину от пропасти и нажал на ручной тормоз.

«Маз» сломал чей-то забор, заехал на картофельное поле и остановился. Сергей закрыл глаза и полежал недолго на руле, приходя в себя.

Из домов выбегали соседи, что-то кричали, махали руками – он ничего не слышал.

Но вот, Сергей сполз из кабины на картофельную ботву. Взял на одну руку Николая, а на вторую Леонида, вышел из огорода и пошел по пыльной дороге к своему барaku. Сыновья, притихшие, только что пережившие страшное испытание, благодарно прижимались к отцу.

Вдруг Леня сказал:

– Папа, у тебя на пятке белую косточку видно.

Сергей оглянулся и понял, что когда он прыгнул на подножку, то до кости содрал мясо на пятке. В это время из раны брызнула кровь.

– Ничего, ничего! – сказал он, – главное, что вы живы.

Он шел по дороге, оставляя в пыли кровавые шарики, целовал то одного, то второго сына и, всхлипывая, говорил:

– Сыночки, сыночки мои милые! Вы живы, вы живы... Слава Богу!

Навстречу им бежала Наталья...

Так Господь чудесным образом спас жизни Николая и Леонида. И это был не единственный случай в жизни нашего героя. Господь близ нас. Помните об этом.

Через два года Бухтарминская ГЭС была построена. Строители разъезжались по домам. Встал вопрос и перед Сергеем, куда поехать?

Он сказал Наталье:

– Нет, в Залесово я не хочу пока что возвращаться. Погожу.

Он помолчал, оглаживая подбородок, посмотрел за окно.

– В Сузуне у меня живет старшая сестра – Мария Фроловна. Вот к ней-то мы и поедem.

– Что ж, – согласно сказала Наталья, – в Сузун, так в Сузун...

4 Поселение сузун

Шел 1961 год. Сергей Сарычев, продолжая свои странствования, приехал в поселение Сузун. Он разыскал дом, в котором жила его родная сестра Мария Фроловна Казакова, постучал с улицы в оконное стекло. Во дворе громко залаяла собака. Мария взглянула в окно, увидела приезжих и метнулась к входной двери.

Она отворила калитку, поцеловала Сергея, Наталью, племянников. Радостно смеясь, она говорила:

– Вот неожиданный подарок! Входите в избу-то, входите. Я вам сейчас баньку затоплю. Помоемся с дороги, попаримся. А потом посидим, потолкуем.

Сергей задержался на крыльце, посмотрел на улицу, на ряды домов, подумал: «Вот наше новое место жительства – Сузун. Ну и ладно! Будем жить в Сузуне». Он вошел в избу и плотно притворил за собой дверь...

Деревня Нижняя Сузунская ведет свое начало с 1719 года. На берегу реки Нижний Сузун, среди огромного соснового бора, стояло несколько крестьянских дворов, проживало девять семейств.

В 1765 году на этом месте работники построили медеплавильный завод. С 1766 года в слободе Сузун стал работать Монетный двор. Здесь чеканили монеты достоинством от 10-ти копеек до полушки. Эти деньги имели хождение по всей Сибири.

В 1847-ом году Монетный двор загорелся. Потушить его не смогли. Он сгорел полностью. Правительство решило не возобновлять деятельность Монетного двора. Деньги стали поступать в Сибирь из России.

Еще Сузун известен тем, что здесь жил и трудился иконописец Иван Васильевич Крестьяников – простой русский человек, творческая натура.

Он родился в 1859-ом году, а скончался в 1941-ом. Двадцать икон этого мастера хранятся в Новосибирском художественном музее. Господь Иисус Христос, Пресвятая Богородица, Святитель Николай Чудотворец – эти иконы написаны ярко, красочно. Простота изображения сочетается с художественной изящностью. И все вместе взятое, рождает неповторимый стиль, присущий сузунскому мастеру-икописцу Ивану Васильевичу Крестьяникову.

Он умер в 1941-ом году. А где он похоронен, где его молилка, Бог весть.

Есть в Сузуне и другие достопримечательности, но не о них сейчас речь...

Всего этого, конечно же, Сергей Сарычев не знал. Да и не хотел знать. Потому что его внимание в то время занимали текущие события.

Никита Сергеевич Хрущев, генеральный секретарь коммунистической партии Советского Союза, обещал советскому народу, что к 1980-ому году в стране будет завершено построение самого справедливого общества на земле – коммунизма. Все советские люди будут жить долго и счастливо. Каждый человек станет приносить пользу по своим способностям, а получать по своим потребностям.

При коммунизме не могло быть места черному туману веры, духовной сивухе и опиуму для народа. Никита Хрущев обещал покончить с религией в СССР к 1980-ому году и показать по телевизору последнего попа.

Телевизоры уже широко входили в дома жителей Советского Союза. Сначала – с маленьким экраном, изображение которого увеличивала линза. А потом в продаже появились усовершенствованные аппараты, которые не нуждались в линзе. Включай, садись, смотри новости, документальные и художественные фильмы, получай удовольствие от просмотра, от выдуманной жизни.

12-го апреля 1961 года православные христиане праздновали Светлое Воскресение Христово, радостно пели: «Христос воскрес из мертвых»...

В этом году, в этот день, в Советском Союзе, с пропагандистской целью, был совершен запуск космического корабля «Восток». В нем находился космонавт. Звали его Юрий Алексеевич Гагарин. Он первым из людей побывал на космической орбите и увидел планету Земля с огромной высоты.

Чуть больше часа продолжался полет первого космонавта. Он совершил один виток вокруг Земли. Выполнив задание, он вернулся на землю...

Юрия Гагарина торжественно встречали в Москве, на Красной площади. Толпы народа бежали вслед за его машиной. Всем воочию хотелось увидеть необыкновенного человека, совершившего, как виделось, героическое деяние.

Юрия обнимал и целовал Никита Хрущев. Гагарин, исполняя партийное пропагандистское поручение, белозубо улыбаясь, произнесет страшные слова, которые услышит весь мир:

– Я в космос слетал, а Бога там не видел. Значит, Его нет.

Хрущев был доволен его словами. Они хорошо вписывались в его борьбу против религии, против Православной Церкви. Партийные функционеры-атеисты тоже приветствовали эти слова первого космонавта. И сатана, князь тьмы, был в восхищении от этих слов. А Господь? Он был, есть и пребудет во веки веков. Вот в чем дело-то.

Юрий Алексеевич Гагарин объедет весь мир. В разных странах он получит массу наград. Его портреты с белозубой улыбкой заполнят газетные и журнальные страницы. Повсеместная любовь и обожание. А бессмертная душа? Что толку, что человек приобретет весь мир, а душе своей повредит. Отрекся от Бога – и пожалуйста... Жалко мужика. Но у него свободная воля и право выбора.

Юрий Алексеевич Гагарин погибнет в авиакатастрофе, спустя несколько лет после своего триумфального полета в космос. Его останки сожгут и замуруют в кремлевской стене – рядом с партийными и государственными знаменитостями. Земное для него закончится. Начнется вечность. Ответ перед Богом за прожитую жизнь... Так я думаю.

Никиту Хрущева снимут со всех постов в октябре 1964 года. На его место встанет Леонид Ильич Брежнев. Восемнадцать лет его управления назовут почему-то «застоем». Что ж, не станем оспаривать исторические термины. «Застой», так «застой».

Сарычевы стали жить в Сузуне. Купили хороший дом. Сергей устроился работать дизелистом на Сузунскую электростанцию. Николай и Леонид пошли учиться в школу. Жизнь продолжалась...

Прожили Сарычевы в Сузуне четыре года. Отец работал. Дети учились, подрастали. Наталья хлопотала по хозяйству, работала.

Николай и Леонид подружились с местными ребятами, стали своими среди них. Бегали по улицам со всеми, играли в разные затейные игры, веселились.

Приходила весна. Припекало солнышко. Таял снег. На дороге появлялся мощный грейдер. Он медленно двигался, тщательно чистил придорожные канавы, чтобы вешняя вода не застаивалась в них, а имела хороший водосток.

Мальчишки, идя поодаль от грейдера, с восхищением смотрели на его работу. Водитель оглядывался, видел восторженные взгляды ребят, довольно хмыкал и прибавлял газу.

Вдруг в грязи, смешанной со снегом, отбрасываемой грейдером, кто-то из ребят увидел огненно блеснувшую монету. За ней – вторую, третью. Они взлетали и падали на дорогу, словно водитель разрыл клад, пролежавший в земле не одну сотню лет.

Никто из мальчишек не знал, что поблизости находился Монетный двор.

А вот монеты этого двора они теперь видели и бежали к ним гурьбой, чтобы поднять из жидкой грязи тяжелые десятичники, пятаки с царским вензелем, в обрамлении лавровой и пальмовой ветвей, буквой «Е» со вплетенной в нее римской двойкой, означавшей имя Императрицы Екатерины II Великой, и гербом Сибири – два соболя держат в лапах щит, увенчанный короной, с обозначением достоинства монеты. Шла надпись по кругу – «сибирская монета».

Николай тоже поднимал монеты, очищал от грязи, складывал в карман. Он с удивлением узнавал год выпуска монеты – 1780-ый. Почти двести лет назад. И думал, что и тогда, в этом году, жили люди в Сузуне, работали, плавил медь, чеканили монету. А теперь их нет. Они умерли. А живут в Сузуне другие люди. Тоже работают. А пройдет сто лет, что от них останется? А надо бы, чтобы осталось что-то хорошее, доброе.

Николай поднял голову. Мальчишки все еще шли за грейдером, оглядывались и звали Николая:

– Колька, ты чего застрял там? Догоняй нас!

Он вздохнул, опустил монету в карман и заспешил за ребятами...

Николай не знал тогда, что в Сузуне жили в то время два брата – Александр и Геннадий Заволокины – будущие знаменитые гармонисты, организаторы на центральном телевидении программы «Играй, гармонь любимая!»

Однажды мальчишки позвали Николая:

– Колька, пошли с нами. Полезем на элеватор – голубиные гнезда зорить.

Ему особо-то не хотелось лезть на элеватор. Не хотелось ему и голубиные гнезда зорить – жаль было голубков. Но чтобы не показаться слабым, чтобы его не считали трусом, он согласился.

Стайка мальчишек подошла к элеватору. Они, какими-то своими тайными ходами, прошмыгнули внутрь, залезли на самую верхотуру.

Коля, осторожно переставляя ноги, двигался за своими проводниками. Внизу, метрах в тридцати от него, лежали груды зерна. Посмотришь вниз – дух захватывает, высотыща-то какая!

В это время в зернохранилище вошел сторож. В руке он держал ружье, заряженное солью. Он осмотрел помещение, поднял голову и увидел мальчишек.

Сторож сразу же разозлился от того, что кто-то без его ведома, пробрался на охраняемую им территорию. Он грубо заорал:

– Эй, вы, сукины дети! Какого ляда вам здесь понадобилось?

Он поднял ружье и выстрелил в воздух, чтобы попугать парнишек.

Николай, услышав слова сторожа, услышав оглушительный выстрел, испугался. У него ослабли руки, сорвалась нога – и он полетел вниз. Тридцать метров высота.

Он падал, падал, падал. В ушах свистело. Перед глазами мелькали какие-то картинки... Бах! – Коля по пояс вошел в овес. Постоял молча, приходя в себя. Посмотрел по сторонам, посмотрел наверх. Никого. Ничего. Тишина.

Он потрогал себя за руку, за нос. Все на месте. Он жив. Тогда он нервно засмеялся и принялся отгребать в сторону зерно, стараясь поскорей освободиться из невольного плена. Он торопился. Он не хотел, чтобы кто-то из родных или знакомых увидел бы его здесь, в зернохранилище.

Коля освободил ноги и, оставляя на овсе вмятины от следов, заспешил к выходу из зернохранилища... Вновь Господь сохранил ему жизнь.

В 1965 году Сергей Сарычев что-то закрутил. Чуткая Наталья, видя состояние мужа, спросила у него:

– Что ты какой-то квелый стал? Что за печаль у тебя открылась? Рассказал бы, облегчил душу.

Сергей покивал головой, тяжело вздохнул.

– Мать-старушка мне вспоминается. Как там она живет, в Залесово? Потянуло меня к ней. Потянуло на старое место. Милая, давай вернемся в Залесово!

Он выжидающе посмотрел на супругу. Она взъерошила ему волосы на голове, грустно улыбнулась и сказала:

– Ну что с тобой поделать, Сереженька! Раз ты восхотел, так давай вернемся в Залесово. Я согласна. Лишь бы тебе хорошо было.

Он влюблено взглянул на жену и проговорил:

– Спасибо тебе, Натальюшка! Утешила ты меня...

5 Возвращение в залесово

Сарычевы вернулись в Залесово в 1965-ом году. Елизавета встретила приехавшее семейство приветливо. Радостно улыбаясь, проговорила:

– Вернулись, гулены! Слава Тебе, Господи!

Она сильно сдала. Согнулась. Старческие морщины изрезали ее лицо, руки. Седина густо посеребрила волосы. Одевалась бабушка так же строго – платок на голове, темная кофта и длинная юбка. Она хорошо знала, что женщина не должна служить соблазном для мужских глаз, должна строго блюсти себя. Об этом писал апостол Петр в Послании: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом».

Сергей обнял и поцеловал мать. В груди у него сладко защемило, защемило. Он глубоко вздохнул и мотнул головой. Елизавета, целуясь с невесткой, заплакала. Заплакала и Наталья.

Бабушка перецеловала внучков, вытерла слезы, широко перекрестилась, радостно вздохнула и проговорила:

– Слава Тебе, Господи! Снова вместе...

Сергей присмотрел и купил на улице Нагорной крепкий рубленый дом...

Переехали в него всем семейством. Бабушку Елизавету не оставили жить одну, взяли ее к себе. В новом большом доме нашлось и для нее место – комната-боковушка.

Постелили в комнатах половики. На окна повесили шторы. Расставили мебель, телевизор, радиоприемник. Ничего, вроде бы, не позабыли.

Сергей прошелся по комнатам нового дома, вышел на крыльцо, глубоко вдохнул воздух, пахнувший дымком. На душе у него было покойно и радостно. Думалось: «Я дома. Будем жить дальше. Жить и работать».

Над Залесово проплывали пушистые облака. На отрогах крутышках стояли высокие ели. Ветерок ласково овеял Сергею лицо.словно и он, вечный странник, радовался, что Сарычевы вернулись домой...

Николай пошел учиться в Залесовскую школу. Ему исполнилось тринадцать лет. Он был, как все ученики его возраста, пионером, носил красный галстук.

Учиться ему нравилось. Он полюбил уроки русской литературы, полюбил читать стихи и рассказы. Он удивлялся, как складно они слагали стихи – Пушкин, Некрасов, Суриков, Твардовский. Размер, ритм, рифма. «На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн»... Здорово! Вт бы и ему, Николаю, тоже написать стихотворение. Только свое, не похожее на стихи других поэтов.

Эта мысль глубоко засела в сознании Николая. Он стал думать о сюжете своего будущего стихотворения. «О чем бы написать, о чем?» – размышлял он в свободный час...

В 1966-ом году Залесову исполнялось 205 лет со дня основания. Готовились праздничные мероприятия. «Вот о Залесове я и попробую написать!» – решил Коля, – это моя родина, мой любимый край».

Как-то вечером, уединившись, он взял авторучку, тетрадку и занялся сочинительством. Творческий процесс стихосложения – дело сложное, серьезное. Я сам поэт, поэтому могу рассуждать об этом, как специалист.

Николай работал над своим стихотворением не один день. Он старательно трудился, писал, сам удивляясь тому, что у него получается. Стихотворение разрасталось. И получилась, когда Коля закончил работу, маленькая поэма. Она начиналась такими словами: «А Залесово – не за лесом. Окружили его леса. Выйду в лес – за Залесово! Крикнув криком, спугну тишину, и скажу я ему: «Здравствуй, мое Залесово! Покажи мне свою старину»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.